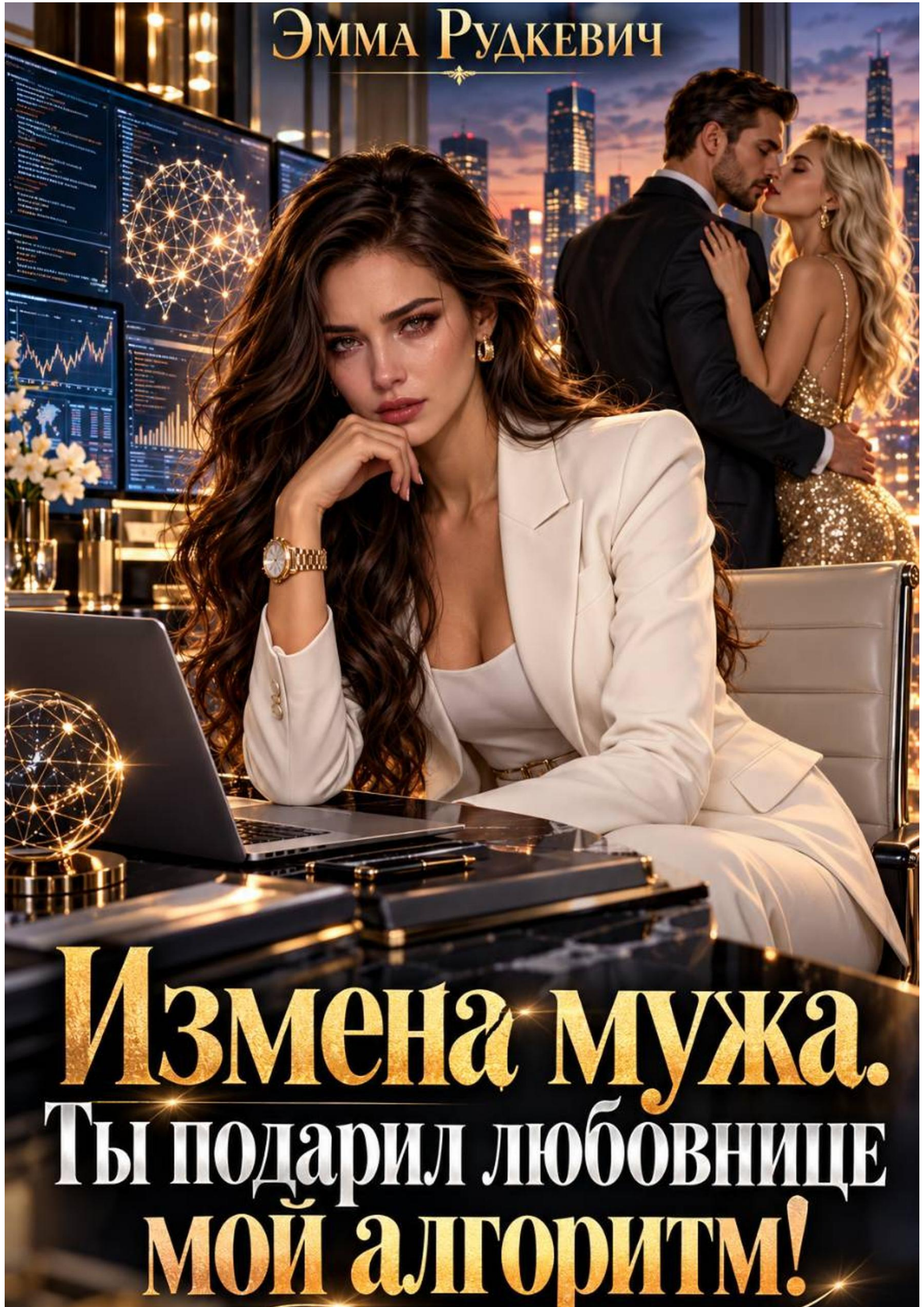

ЭММА РУДКЕВИЧ

**Измена мужа.
Ты подарил любовнице
мой алгоритм!**

Эмма Рудкевич

**Измена мужа. Ты подарил
любовнице мой алгоритм!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Измена мужа. Ты подарил любовнице мой алгоритм! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

На презентации моего проекта муж отобрал микрофон и объявил, что уникальный алгоритм создала его любовница.— Ты всего лишь исполнитель, Лера. Без меня ты никто! Артём заблокировал счета, вывез вещи из моей квартиры и обвинил меня в мошенничестве. Ещё вчера я была соучредителем успешной компании. Сегодня ночью в дешёвом хостеле. Но опасный конкурент мужа, Максим Ветров, предлагает работу на Урале. Он жесток, властен и не скрывает, что хочет использовать меня против Артёма. Только мой бывший не подозревает: я знаю каждую строчку украденного кода. И одна ошибка способна уничтожить его империю. Я верну своё имя. Но смогу ли довериться новому мужчине?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты подарил любовнице мой алгоритм!

Глава 1

Из-за софитов я почти не видела первый ряд. Чуть наклонишь голову — белое пятно перед глазами, а в пятне чей-то телефон с поднятой камерой. Опустила рукав: часы сползли на косточку и мешали держать пульт. Всё, хватит поправлять одежду. Люди пришли смотреть «Феникс», а не мои манжеты. Три года я представляла эту минуту: вот они увидят результат, вот поймут, почему я отменяла выходные, ужины, отпуска. В первом ряду инвестор уже открыл блокнот. У стены замер официант с подносом. Хорошо. Слушают. Сегодня я выйду отсюда Валерией Соловьевой, которая сделала эту штуку, а не «женой вашего гендиректора».

Артем шептался с Кариной у боковой кулисы. Костюм цвета индиго, который мы выбрали вместе: в чёрном он казался старше и ворчал, что я его превращаю в пенсионера. Карина поднесла планшет к самому его лицу. Он улыбнулся ей так легко, что я на секунду забыла первую фразу выступления. Рука Карины осталась на его рукаве. Ну давай, Лера, ещё начни ревновать за минуту до презентации. Посмотрела на микрофон, на круглый чёрный ободок, и вернула в голове начало. Шаг к трибуне. Воздух от кондиционера пах пылью; мой парфюм за день успел надоесть, хотелось стереть его с шеи влажной салфеткой.

— Добрый вечер, коллеги. — На первом слове я кашлянула, отвела микрофон и подождала, пока мужчина в проходе сядет. — Сегодня я покажу вам не просто продукт. Я покажу будущее.

Нажала клавишу пульта. По щелчку должна была открыться схема архитектуры — наша с дизайнером гордость, наконец без мелкого шрифта и лишних стрелок. Но за спиной прокручивались строки кода. Я обернулась проверить: может, пропущен один слайд? Внизу, поверх моего кода, стояло «© Lunz Capital / К. Lunts». Так крупно, что я прочитала без очков. Ещё раз нажала кнопку. Надпись осталась.

В пульте было всего три кнопки. Я вдруг перестала помнить, какая из них возвращает назад. Разглядывала их, будто неправильный слайд можно исправить пальцем. Где наша версия? Кто пустил эту? Посмотрела на Артема: он заметит, кивнёт технику, вернёт презентацию. Он смотрел прямо на меня. Пульт согрелся в ладони, а кончики пальцев стали холодными. Ни к технике, ни к экрану муж даже не повернулся.

— Что происходит? — выдохнула я, но зал не услышал.

Артем поднялся на сцену и подошёл ко мне сбоку. Я подалась к нему — наконец объяснит. Он взял микрофон за ручку, поверх моих пальцев. Знакомый жест: так забирал чашку, когда я засыпала за работой. Только сейчас потянул сильнее, и я почему-то разжала руку. Вспышки камер заставили меня зажмуриться. Пока я снова открывала глаза, он уже стоял лицом к залу.

— Дамы и господа. Я хочу внести уточнение. Этот код... это результат работы нашей команды. А точнее — нашего технического специалиста, Валерии Соловьевой. — Он указал на меня ладонью, не касаясь, как на график. — Она выполняла ТЗ отдела аналитики под руководством мисс Лунц. Простой исполнитель, нанятый для рутинной работы.

Смешок пришёл слева, из первого ряда. Мужчина с блокнотом что-то написал и закрыл его. Я узнала на экране свой комментарий к обработке исключений: писала в три ночи, Артем тогда спал, а Карина была на каком-то форуме. Сейчас они оба стояли здесь. Кто-нибудь спро-

сит её хоть об одной строке? Я открыла рот, вдохнула — и воздух прошёл с сипением. «Наёмный специалист». Я соучредитель. Скажите мне это в глаза.

— Ты врёшь! — Слишком громко, слишком высоко. Я сама слышала, как это прозвучало, и вцепилась в трибуну, чтобы не заплакать прямо перед ними. Под ногтем что-то треснуло. — Артем, скажи им правду! Скажи, что это наша совместная разработка!

Он придержал манжету, когда кто-то потянул к нему микрофон из зала. На меня времени не нашлось. Я стояла так близко, что могла дёрнуть его за пиджак. Дёрнуть, как ребёнок. Хотелось ударить — вместо этого я снова выговорила его имя.

Двое охранников подошли сзади. Я успела заметить одного у кулисы раньше и ещё подумала: зачем столько охраны на нашей презентации? Теперь его ладонь легла мне на локоть. Сквозь пиджак больно, слишком крепко. Меня дёрнули назад; каблук поехал, и я повисла на краю трибуны. Пальцы соскользнули с дерева. На белой поверхности остался красный мазок от сломанного ногтя.

— Пожалуйста, покиньте помещение, — пробасил один из них, не повышая тона.

Меня волокли через заднюю дверь. Один каблук цеплялся за край линолеума, другой скользил; идти самой мне уже не давали. Я плакала и пыталась вытереть нос плечом — руки удерживали. До чего же хотелось, чтобы никто не увидел это лицо. У лифта охранники наконец отпустили локти. Вслед за мной вошла Карина. Двери сошлись; она подняла руку к волосам, поправила выбившуюся прядь в зеркале и посмотрела на мою размазанную тушь. Я стояла в двух шагах от неё. В кармане мешался пульт: у лифта я зачем-то сунула его туда. Надо было сказать что-нибудь. Хоть одно внятное слово. Но я только глотала воздух.

— Ты была слишком удобной, Лера, — процедила она тихо, едва шевеля губами. — А теперь ты — помеха. Учись быть незаметной.

Карина вышла и направилась к соседнему лифту, обратно в зал. Аплодисменты оттуда долетали даже вниз. Я нажала кнопку, чтобы двери закрылись, и промахнулась. Из кармана завибрировал телефон; пришлось вынуть пульт, переложить его в левую руку. Контакт юриста нашла с третьей попытки. «Абонент недоступен». Ещё раз. Тот же голос. На экране появилось сообщение банка: «Операции по вашему счёту приостановлены. Обратитесь в банк». И следом письмо в корпоративной почте. Гендиректор ООО «Феникс» подал на меня заявление о мошенничестве. Мой муж. Минуту назад отнял микрофон, а заявление, выходит, успел подготовить заранее.

У бизнес-центра машины ехали вплотную друг к другу. Я открыла приложение такси, выбрала домашний адрес — там хотя бы можно было закрыть дверь. «Оплата отклонена». Попробовала другую карту. Тоже. Оставшихся наличных едва хватило бы на кофе; потратить их на случайную машину я не решилась. В метро прятала лицо за телефоном, но смотреть на экран было ещё хуже: там одно за другим приходили уведомления. Думала, сейчас человек напротив узнает меня по ролику. Он поднял голову, я отвернулась. Он просто пропускал женщину с ребёнком.

Дома лифт не работал. Пришлось подниматься пешком, держась за перила: туфли натёрли ноги, а один ноготь цеплялся за всё подряд. В этой квартире мы прожили пять лет. Я купила её до брака и до «Феникса», помнила даже день, когда впервые повернула ключ: тогда села на пол в пустой кухне и ела пирожок из пакета. Теперь у двери лежала упаковочная плёнка. Позвонила. За дверью ни шагов, ни голоса. На лестнице показался консьерж.

— Валерия Сергеевна? — спросил он удивленно. — Артем Павлович просил впустить грузчиков вчера вечером. Сказал, что вы съезжаете.

Дверь поддавалась, стоило толкнуть. Я остановилась на пороге: у стены не было моего кресла. И дальше, в гостиной, не было книг, фотографий, даже коврика под столом. Встроенные шкафы остались, кухонный сервант тоже — остальное вынесли. Хлопнула ладонью по выключателю, зачем-то проверяя, есть ли электричество. Свет загорелся. Жить здесь техниче-

ски можно. Только мои коробки стояли снаружи, в подъезде, и на верхней толстым маркером было написано «Лера».

Села на ступеньку рядом с коробками. На улице двадцать восемь, а меня трясло так, что колени стучали друг о друга. Если бы Артем просто сказал: всё, ухожу к другой. Я бы орала, плакала, позвонила маме. Но для сегодняшнего дня он заказал охрану, подготовил заявление и заранее вывез вещи. Сколько времени я жила рядом с ним, пока он это планировал? Считала его деньги, проверяла код, просила не мешать, когда он обнимал меня сзади. Вспомнила и согнулась: сейчас вырвет. Не вырвало. Я сидела, упираясь локтями в колени, и ждала, пока пройдёт.

Телефон опять зажужжал. Увидела неизвестный номер и сразу закрыла уведомление: ещё одного объяснения от них я не выдержу. Потом всё-таки открыла мессенджер. Наверное, потому что там не было ни Артемова имени, ни Карины. Над коробками горела слабая лампа, экран оказался ярче. Пришлось прикрыть его ладонью.

«Ваша компетенция мне интересна. Приезжайте на Урал. Адрес в сообщении. Не опаздывайте, я не жду дважды».

Экран погас. Нажала сбоку, вернула сообщение и перечитала «не жду дважды». Он ещё даже не представился, а уже назначил мне срок. Хотелось ответить: «Ну и не ждите». Палец лежал на пустом поле ввода. Я посмотрела на коробку с моим именем и убрала телефон. Ответить назло всегда успею. Сначала надо узнать, кто этот человек.

Глава 2

У Дмитрия Львовича на столе стояли две чашки. Мне он кофе не предложил, хотя раньше всегда спрашивал: «Лере без сахара, да?» Села на самый край стула, сумку поставила на колени. Хотелось поскорее выложить ему всё — про подменённую презентацию, заявление, коробки в подъезде. Если назвать это по порядку и правильными словами, появится способ вернуть обратно. Он юрист. Он три года проверял наши договоры. Я говорила быстро, записалась на даты и сердилась на себя: человеку нужны факты, а я сейчас опять разревусь.

Дмитрий Львович крутил свой «Паркер». Я наклонилась через стол, пытаюсь поймать взгляд; он отъехал на стуле назад. — Валерия, пойми... Телефон завибрировал рядом с чашкой. Он посмотрел на номер, сбросил звонок и положил аппарат экраном вниз. — Мне нужно уйти. Прямо сейчас. — Но иск! Мы можем подать сегодня же, если соберём доказательства... — Нет. Он закрыл ноутбук. Я ещё не закончила фразу; щелчок крышки прозвучал громче моего голоса. — Я больше не веду это дело. Поступила жалоба, мне угрожают проверками. Говорят о конфликте интересов. Служба безопасности Громова была убедительна. Очень убедительна. «Была». Он уже разговаривал с ними. Потому вчера не брал трубку. Я перестала теребить ремень сумки и положила ладони на колени: теперь мне нужно было дослушать, а не пытаться уговорить. — Ты боишься? Он посмотрел мне в лицо впервые за весь разговор. — Я ценю свою семью, Лера. А ты... ты уже никто. Уходи, пока могут сделать хуже. Кивнула. Даже поблагодарить успела, по привычке. Уже у двери поняла, что сказала, и оглянулась. Он открыл ноутбук снова.

На улице было сыро. Ветер забирался под пиджак; ещё вчера в нём было жарко. Остановилась у стены и попробовала вспомнить хотя бы одного юриста, который не знаком с Артемом. Все наши праздники, все дружеские ужины — его люди, его круг. «Я ценю свою семью». А мою, значит, можно разобрать и вынести в коробках. Хотелось вернуться и поставить его чашку в сумку, нелепо, назло. Вместо этого проверила телефон.

В приложении банка вместо доступного остатка стоял ноль. Обновила экран. Ноль. Пришло СМС: «Блокировка счета. Операции приостановлены. Обратитесь в отделение банка». Отделение было недалеко, я раньше снимала там деньги на зарплату нашим первым сотрудникам. Побежала, хотя бежать в этих туфлях было глупо: на повороте едва не упала. Внутри всё осталось как прежде — столики, электронная очередь, девушка за стеклом. Только между мной и стойкой встал охранник. — Мне нужна помощь! — Проходите только по приглашению, девушка. — Это моя жизнь! Там мои деньги! Я не могу снять даже на еду! Он выставил руку. Сбоку вполне можно было пролезть, но я испугалась, что схватит, как вчера на сцене. За стеклом консультант поднесла чашку ко рту. Я называла номер счёта, просила позвать хоть кого-нибудь, показывала паспорт. «Дождитесь рассмотрения обращения». «Мы вам позвоним». А когда? Чем мне сегодня платить? Слёзы уже текли, и паспорт стало неудобно держать: капало прямо на раскрытую страницу.

Телефон зазвонил, когда я отходила от стойки. Подумала: Дмитрий передумал. Взяла так быстро, что чуть не выронила. — Лера? Как твои дела в банке? Или ты уже начала собирать чемоданы? Карина. У меня свело челюсть; слова пришлось выталкивать. — Чего ты хочешь? — Просто напомнить, дорогая. На квартиру на Таганке поданы документы о смене собственника. Артем всё устроил. Попробуй докажи, что она ещё твоя. Если ты не уйдёшь оттуда к восьми вечера, мы вызовем полицию за самоуправство и проникновение. И поверь, заявление на тебя уже лежит где надо. Она отключилась. Я ещё держала телефон у уха. Консультантка смотрела на меня через стекло, наверное, ждала, когда уйду. Откуда Карина знает, что я в банке? Посмотрела в сторону охранника. Он отвернулся. Вполне могло быть совпадение, но идти обратно с этим вопросом я уже не смогла.

Ключ в домашнем замке повернулся без труда. От этого стало ещё страшнее: дверь моя, ключ мой, а войти я боюсь. В прихожей горел свет. Артемов парфюм узнала сразу, следом — Каринин. Даже не постеснялись привести её сюда. На кухне мужчина с планшетом диктовал второму названия вещей; тот фотографировал сервант. Консьержка стояла у стены. — Кто вы такие? — Инвентаризация имущества семьи Громовых. Вы должны покинуть помещение. Немедленно. — Семьи? — Я полезла к шкафу, где оставляла черновики. На некоторых были стрелки и подписи, которых я не перенесла в электронную версию. Хоть их забрать. Мужчина перехватил запястье. Повернул так, что я вскрикнула и согнулась за его рукой. — Не трогайте собственность работодателя. Карина вышла из гостиной, поправляя серьгу. — Здесь нет места для воровок. Меня оттеснили к стене. Она стояла на моей кухне в туфлях, и на полу остались следы каблучков. Я раньше просила Артема разуваться: паркет легко царапается. Какая же я была дура. Следы ещё зачем-то замечаю. Мужчина отпустил запястье; оно уже краснело, я прижала его к животу.

Артем появился в дверном проёме. Прислонился к косяку и посмотрел на часы. — У тебя есть час. Если через час ты здесь, я подаю заявление о краже личных вещей. И добавлю пункт о незаконном проникновении. Он повернул ко мне телефон с набранным номером полиции. Я успела увидеть, что палец держит над кнопкой вызова. Демонстрация. Всё у него сегодня было для зрителей, даже здесь. — Артем, пожалуйста... — Молчи. Твои эмоции меня не интересуют. Интересует результат. Уходи. В прихожей стояла консьержка. Я смотрела на неё, хотя говорил он. Ну скажите ему: это её квартира, я помню, как она въезжала. Но женщина разглядывала носки своих тапочек. Я отвела глаза раньше, чем она подняла голову.

На полу валялась моя сумка. Открыла, заглянула: зубная щётка, зарядка, старая фотография родителей в мягком конверте. До щётки они добрались, а фотографию оставили. Взяла сумку здоровой рукой. Застёжка не сходилась, пришлось второй рукой удерживать край; боль от запястья отдала в плечо. Карина наблюдала, и я перестала возиться. Так и понесу, открытой. Прошла между ними. У самого порога хотелось обернуться и спросить мужа, спал ли он хоть раз плохо из-за меня. Не спросила. Он мог ответить, и я бы ещё запомнила этот ответ навсегда.

За койку в хостеле отдала последние триста рублей. Администратор пересчитал купюры и вернул паспорт. В комнате на четверых пахло лапшой из пакетиков. У верхней кровати стену закрыли календарём; из-под него проступала плесень. Села, прижала сумку к животу. Соседка пошла стучать в стену: там включили музыку. — Заткнитесь! — крикнула я вслед за ней и сама испугалась своего голоса. Она обернулась. Я опустила глаза: ругаюсь в чужом хостеле с людьми, которые меня не знают. Всего-то день назад я репетировала выступление перед инвесторами. Телефон показывал три процента. Под вчерашним адресом на Урале висело новое сообщение: «Знаю, что случилось. Есть работа. Ответь». Подпись: «Максим Ветров». Вот его и звали. Я перечитала обе строки, открыла пустое поле. Напишу, а он начнёт задавать вопросы. Нужно будет снова всё рассказывать. Может, откажет, когда узнает. «Я готова. Куда ехать?» Отправила прежде, чем успела передумать. Значок крутился, заряд упал до одного процента, и экран выключился. Я нажимала кнопку, пока соседка не спросила, что я делаю. Ничего. Теперь действительно ничего. Попросила у неё розетку возле кровати.

Проснулась от стука и несколько секунд не понимала, где я. Над лицом чужое днище кровати. Моя сумка на коленях, так с ней и заснула. — Открыто! Курьер в чёрном плаще сверил меня с именем на конверте. — Для Валерии Соловьевой. Отдала подпись и только потом взяла конверт. Рука подрагивала, буква «С» вышла кривой. Курьер ушёл, оставив дверь открытой; я встала закрыть. Соседка следила с верхней койки, что мне принесли. Внутри — билет в купе до Екатеринбурга, наличные рубли и записка: «Машина будет ждать у вокзала в Екатеринбурге.

Не опаздывай». Соседка свесила голову ниже. Я собрала деньги, не считая, и спрятала в сумку. Ветров знал адрес: ночью телефон удалось зарядить, и я отправила ему название хостела. Но денег не просила. Снова развернула билет, проверила дату, станцию назначения. Мне действительно оплачено место в поезде. Можно купить воду, поесть. От облегчения стало стыдно: я ещё не слышала условий, а уже готова бежать к нему. Он выбрал хороший момент. Лучше не придумаешь. На обороте записки ничего не было. Я перевернула её ещё раз и положила к билету.

К вечеру следующего дня добралась до Екатеринбурга. За вокзальным навесом лил дождь. Люди пробегали мимо с пакетами, кто-то ругался, задевая меня локтем. Я отступила к колонне, чтобы не мешать. Вода уже затекла за ворот, мокрые волосы липли к щеке; полотенце из поезда осталось у проводницы. Нечем даже вытереться. Поставить сумку тоже некуда. Чёрный внедорожник остановился у тротуара. Я не двинулась к нему сразу: машин здесь полно, что, в каждую садиться? Переднее стекло опустилось. Мужчина повернул голову. В салоне светилось только приборное табло, лица как следует не разглядеть. — Заходи. И оставь свои страхи за дверью. Ни «Валерия?», ни «вы от Максима?». Ветров говорил так, будто сам привёз меня сюда и вышел на минуту. Щёлкнул замок. Подошла, заглянула назад — пустое сиденье. Открыла дверь и забралась в машину, прижав мокрую сумку к ногам. Он смотрел на меня в зеркало, пока я застёгивала ремень. Тот не защёлкнулся с первого раза. Я поправила пряжку и вслух сказала: — Минуту. Единственное слово, на которое сейчас хватило сил.

Глава 3

Сумка промокла снаружи. Поставила её между туфлями, чтобы вода не шла на сиденье. Потом подумала: мне бы о себе позаботиться, а я боюсь испортить чужую обивку. Пиджак лип к спине, от подола юбки колени стали мокрыми. В машине было тепло, но дрожь не проходила. Хотелось попросить прибавить печку. Хотелось выговорить всё сразу: меня ограбили, выбросили, я даже поесть нормально не могу. Стиснула подлокотник. Он ещё слова обо мне не знает, кроме фамилии и должности. Пусть пока это останется так.

Ветров молчал. Я прижала локти к бокам, расправила плечи. Если держать спину прямо, дышать чуть легче; заодно он в зеркале не увидит, как я трясусь. За стеклом тянулись вывески — ни одной знакомой. В этом городе я не знала даже, где остановиться, если сейчас попросят выйти. Человек за рулём не спрашивал, удобно ли мне. Я рассматривала его затылок, воротник, отражение глаз и ждала вопроса. Он тоже ждал. Наверное, кто первый заговорит, тот и покажет, кому эта поездка нужнее.

— Держись крепче, — сказал он, посмотрев в боковое зеркало.

На повороте меня бросило к двери. Ремень натянулся поперёк груди; я стукнулась плечом об обивку и придержала сумку ногой. Он резко выехал из вокзального потока. Раздражение оказалось сильнее испуга: если хотел показать, как умеет ездить, мог хотя бы предупредить заранее. Потянулась к ремню, поправила его у шеи. Не позволю ему ещё и решить, что меня можно возить как багаж. Но говорить это вслух пока не рискнула.

— Здесь нет правил, Валерия. Только последствия. — Он встретился со мной взглядом в зеркале. Глаза серые; меня почему-то задело, что я заметила их цвет. — Ты привыкла, что мир крутится вокруг твоих алгоритмов? Привыкай к тому, что реальность не поддается кодированию. Она ломает кости.

Телефон опять показал уведомление банка. Ночью я зарядила его до конца и теперь жалела: выключенный не напоминал бы каждые десять минут, что доступ к моим деньгам закрыт. Положила на подлокотник, экраном вверх. Максим скосил взгляд в зеркало. Я сразу убрала телефон в ладонь. Он и без того слишком много обо мне знает.

— Операции по твоим счетам всё ещё заблокированы. По заявлению генерального директора компании «Феникс». Статья — мошенничество в особо крупном размере. На квартиру поданы документы о дарении Карине Лунц. Подпись якобы твоя. Три месяца назад.

— Я её не дарила, — перебила я. — Никому.

— Значит, подпись будем оспаривать. Но сегодня туда не возвращайся.

Я всматривалась в зеркало, пытаясь понять, говорит ли он всерьёз. Подпись. На моей квартире. Артем ведь знал: её я никому не отдам, даже ему. Поэтому решил обойтись без меня. Хочется сказать «так нельзя», а мужчина за рулём уже собирается разбираться, как именно это сделали. Прижала кулак к губам и переждала. Ветров не притормозил, не спросил, что со мной. Мне это было на руку: если спросит ласково, я снова расплачусь.

— Я знаю. — Пришлось откашляться. — Мне нужно время.

— Время — роскошь для тех, кто может позволить себе ждать, — отрезал он.

Подъехали к бетонному забору. На воротах висела облупленная табличка, читать её сквозь дождь было бесполезно. Ветров опустил стекло, назвал себя в переговорное устройство. Створки поползли в стороны. Я смотрела на щель между ними: дальше ни светлого холла, ни ресепшена, только двор и тёмные стены. Сразу подумала, как отсюда добираться до города. Номер такси у меня есть. Деньги из конверта тоже. Важно помнить, что я не обязана остаться навсегда только потому, что он прислал билет.

— Выходи, — приказал он.

Выбралась из машины и чуть не наступила в лужу. Носки туфель уже промокли, но всё равно обошла — бессмысленно, привычно. Пахло мазутом. Из-за корпуса доносился низкий непрерывный гул; значит, завод ещё работал, не совсем всё здесь умерло. Ветров вышел следом. Пиджак у него оставался сухим, и манжеты он поправлял с тем же вниманием, с каким Артем делал это на сцене. Мне захотелось приказать ему перестать. Вместо этого подняла сумку.

— Если ты хочешь есть — работай. Если хочешь спать — работай. Если хочешь мстить Артему Громову — работай вдвое усерднее. Выбор за тобой. Но альтернативы нет. Ни дома, ни денег, ни друзей. Есть только эти ворота и я.

Он знал, чем меня задеть. На слове «есть» у меня даже заболел желудок. С утра оставалась булка, купленная в поезде, но доставать её перед ним я бы сейчас скорее умерла. Переступила через порог. В голове повторила: работа. Я приехала работать. Поживу, получу зарплату, найду адвоката. Его манера разговаривать ещё не обязывает меня принять всё, что он скажет.

Мы прошли по коридору с закрытыми цехами. Под туфлей что-то захрустело; я посмотрела вниз, но в тусклом свете не разобрала, стекло или песок. На стене осталась полоса от снятой таблички. Ветров шёл быстро, сумка тянула руку, я пару раз отстала. Он остановился у маленькой комнаты и включил свет. Лампа мигнула. Папки лежали даже на подоконнике. Я узнала знакомую картину: документы долго складывали «на потом», а теперь хотят получить порядок к пятнице.

— Оптимизируй логистику этого хлама. — Он бросил ключи на стол. — У тебя три дня. Покажи, что ты стоишь больше, чем просто украденный код.

Взяла ключи. На кольце были три обычных и брелок; один ключ явно от старого замка, с длинной бородкой. Подложила под папку, чтобы не потерять. Теперь мне хотя бы есть чем заняться. Открыла верхний договор и сразу увидела две разные даты поставки: одна в шапке, другая в приложении. Поставила сумку под стол. Можно будет пожалеть себя чуть позже. Пока надо выяснить, по какой дате они платят и где держат накладные. Я умею это — искать, где цифры перестают сходиться. Ни Артем, ни Карина этот навык у меня не забрали.

— Почему именно я? — спросила я, не поднимая глаз от документов. — У Артема много конкурентов, готовых продать душу за доступ к его технологиям.

Он подошёл к моему плечу. Я чуть отодвинула папку, чтобы и он видел страницы, а он положил ладонь поверх рукава пиджака. Ткань ещё была влажной. Его пальцы сжали плечо; мне захотелось стряхнуть руку, но я задержалась, прикидывая, что будет дальше. Он стоял так близко, что его дыхание шевелило прядь у моего виска. Я не могла разобрать вторую строку договора, хотя смотрела прямо на неё.

— Не путай мою помощь с дружбой, Валерия. Я использую людей. Инструменты ломаются, когда теряют эффективность. Ты должна помнить об этом каждый день.

Перестала смотреть в договор. Подняла голову. До его лица было неприлично близко, он заметил, что я машинально задержала дыхание. Не отводить глаза. Не позволить принять испуг за согласие. Я повела плечом под его ладонью, обозначая, что мешает. Он ещё не убрал руку, но сжал её меньше.

— Я тоже умею использовать инструменты. — Это удалось произнести без запинки. — Мы будем эффективны, Максим.

Он усмехнулся и убрал руку. Я провела пальцем по смятому рукаву, разгладила ткань. Так проще было не смотреть ему вслед.

— Эффективность — единственная валюта, которая имеет здесь значение.

Ветров достал из пиджака сложенный лист. Подвинул ко мне поверх открытой папки и придержал угол, чтобы не загнулся. Я наклонилась ближе — шрифт был мелкий. В первой строке знакомое название программы. Проверила ещё раз: да, моя.

Заявка на регистрацию, датированная годом раньше. Заявитель — компания Артема, рядом перечень потенциальных покупателей лицензии. «Ветров Холдинг». Максим Ветров. Провела ногтем по этой строке. Не вчера он услышал о моём коде. Не сегодня решил, что в провинции вдруг пригодится московский аналитик. Целый год это имя лежало в наших документах, а мне лист показали только сейчас.

Я вспомнила записку в конверте. Какая точность: как раз в тот момент, когда уже готова ухватиться за что угодно. Ветров видел технологию, присматривался к компании. Что ему рассказал Артем? Что код делают по ТЗ Карины? Или всё-таки знает, кто писал? Лист находился под моей ладонью, и я не спешила её убирать. Мне бы сначала выслушать условия, а уже потом соглашаться. В хостеле у меня хватило сил только на «готова».

— Ты... — мой голос сорвался. — Ты следил за нами?

— Я следил за технологией, — поправил он, прижимая бумагу к столу. — А ты была носителем. Иногда носители бывают полезны сами по себе.

Потянулась перевернуть лист — хотелось прочесть оборот. Максим забрал его прежде, чем я успела. Я задержала руку на столе. Очень знакомо: Артем тоже любил подписывать бумаги «за нас», пока я занималась кодом. Теперь передо мной другой мужчина, а документы опять уходят в чужой карман. Ладно. Ключи остались. Папки остались. Если здесь есть след «Феникса», доберусь до него сама, страницу за страницей.

— Артем думает, что победил. — Максим повернулся к двери. — Но он просто потерял контроль над тем, чего не может понять. Начни с папки «Урал». Там цифры, которые могут убить его компанию быстрее, чем суд.

Дверь закрылась. Я постояла возле стола, прислушиваясь, удаляются ли шаги. Потом вытащила из сумки булку и откусила — сухая, но жевать пришлось долго, будто челюсти забыли, как это делается. Смахнула со стола пыль рукавом, подтащила стул. Папка «Урал» нашлась в нижней стопке. Пусть Артем пока выступает перед камерами. Я открыла первый лист, разгладила сгиб и начала выписывать суммы. Теперь он не сможет попросить меня перестать работать и пойти к нему в постель. Этого маленького преимущества на первый вечер было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.